

## Академик, плотник и любитель сладкого

«Надо на что-то опираться, ведь без веры человеку нельзя»: откровенное интервью со знаменитым онкологом Сергеем Красным

Он курирует все научные исследования в сфере онкологии в стране. Собственноручно выполнил около четырех тысяч операций. Один из самых молодых академиков НАН Беларуси, заместитель директора РНПЦ онкологии и медрадиологии имени Н. Н. Александрова Сергей Красный подтверждает происхождение своей фамилии, которая трактуется как «ключевой», «главный». О том, как изменил его мировоззрение 35-летний опыт борьбы со смертельным заболеванием, Сергей Анатольевич рассказал корреспонденту «СБ. Недели».

Чем глубже наука — тем больше вопросов

— Что вас как ученого больше всего удивило при изучении новообразований?

— Прежде всего то, что злокачественная опухоль — это организм в организме. Клетки ведут себя полностью автономно: живут, развиваются, размножаются, защищают себя от внешних воздействий, например от лечения, мутируют и в один момент почему-то перестают реагировать на препараты. И чем больше мы о раке узнаем нового, тем больше появляется вопросов.

Раньше думали: изучим геном опухолевой клетки, найдем мутации, разработаем лекарство и победим рак. Так вот, уже сегодня открыто полторы тысячи мутаций, связанных с опухолевым ростом. И эти мутации обеспечивают синтез белков, которые между собой взаимодействуют (так называемые сигнальные пути). Сколько их, даже подсчитать сложно. Более того, две рядом расположенные опухолевые клетки могут кардинально отличаться по генетическим мутациям. Как результат — в мире уже разработано несколько тысяч противоопухолевых препаратов. А универсальной «таблетки от рака» так и нет.

— Назовите пару показателей в белорусской онкологии, которыми вы лично искренне гордитесь.

— То, что страна сохранила систему онкологической помощи, — раз. Наши пациенты получают ее в специализированных стационарах — диспансерах и республиканских центрах — два. Все лучшие специалисты и оборудование там сконцентрированы, что при минимальных затратах дает максимальный результат.

Большие мировые исследования доказали, что лечение в специализированных онкостационарах на 20 процентов чаще дает пятилетнюю выживаемость, чем в общей лечебной сети. Мир это понял не так давно и начал перестраиваться.

Но это сложно, поскольку в западных странах медицина — это бизнес, с доходом владельцы расстанутся неохотно. Да и создание онкогоспиталя с нуля — крайне дорогое удовольствие. В США сейчас около 30 крупных онкоцентров, а в Беларуси, которая меньше в разы, — 14. И результаты лечения пациентов не отличаются. При этом расходы у нас несопоставимо ниже.

Еще горжусь результатами лечения рака мочевого пузыря. Этой теме сам уделял много внимания. В 2018 году Беларусь вышла на третье место в мире среди стран с наименьшей смертностью от этой патологии, уступив только Южной Корее и Финляндии.

Отношение числа умерших к заболевшим всеми злокачественными опухолями в стране тоже повод для гордости за нашу работу. Когда мы начинали лечить, умирали почти две трети человек. Сейчас этот показатель в два раза снизился: 68 процентов онкобольных у нас выздоравливает!

Елена Козловская. Академик, плотник и любитель сладкого

## «Неуправляемые» белорусские онкологи

— Как часто в профессии вам приходилось идти против течения?

— В онкологии все очень строго регламентировано, потому что это высокая ответственность и огромные риски. Есть клинические протоколы, основанные на серьезных исследованиях. И по ним лечат все стандартные случаи. Отступлений быть не должно. Это касается всех клинических ситуаций, с которыми имеют дело врачи в обычных лечебных учреждениях. А вот что касается научно-исследовательских центров, здесь мы можем от этих схем отходить и разрабатывать новые методы лечения. Но это не значит, что мне вдруг в голову взбрело — и я начал так лечить. Каждый научный проект серьезно прорабатывается, каждый шаг в научном протоколе четко определен, чтобы в итоге лечение было более эффективно и не принесло вреда человеку.

— Беларусь неоднократно подвергалась критике со стороны Запада — здравоохранение в том числе. Когда-то ВОЗ даже запрещала проводить скрининговые исследования по раку простаты, но вы все равно продолжили. Чем объясните такую уверенность в себе?

— С ВОЗ у нас действительно было очень жесткое противостояние. Началось оно в 2007 году, когда мы увидели, что результаты лечения рака предстательной железы крайне неудовлетворительные из-за высокой запущенности. В основном мы выявляли 4-ю стадию и немного 3-ю, то есть когда уже были симптомы. Связано это с особенностью наших мужчин: они не ходят к врачу, если ничего не беспокоит. А для рака предстательной, если что-то беспокоит, это уже запущенный случай. Стали внедрять профилактические обследования. Создали группу из ведущих специалистов, меня назначили руководителем. Мы позвали экспертов ВОЗ. Но вместо помощи нам стали категорически запрещать, мол, мы идем вразрез с мировыми данными.

В итоге пришлось обратиться к Главе государства. Он выслушал, сказал, чтобы мы делали свое дело, а санкции, которыми нам уже грозили, он возьмет на себя. И мы пошли своим путем — провели пилотный проект. Диагностика рака улучшилась в 10 раз. Доля выявляемых случаев на ранней стадии выросла почти втрое. И это только при первом круге скрининга. При последующих результаты были еще лучше. Поддержка Президента сыграла ключевую роль в том, что у нас все получилось. Сегодня пятилетняя выживаемость после радикального лечения рака простаты — 97 процентов. Великолепный показатель!

— А как же недовольное международное сообщество?

— У ВОЗ был аргумент — скрининг дает больше проблем, чем пользы. Мол, этот вид опухоли благоприятно протекает, а чтобы подтвердить снижение смертности в результате скрининга, должно пройти очень много времени, как минимум 10 — 15 лет. Плюс лечение дает проблемы — недержание мочи, нарушение потенции и так далее. Все эти постулаты ВОЗ вывела из одного американского исследования, которое имело огромное количество недостатков, но об этом скромно умолчали. Группы скрининга и наблюдения в нем были сформированы с грубыми нарушениями. Почти 90 процентов мужчин, включенных в группу наблюдения, на самом деле скрининг тоже проходили, но самостоятельно. Поэтому и различий в группах получено не было. Позже обман всплыл на поверхность. Эксперты извинились перед общественностью и признали, что скрининг рака простаты надо проводить, а остановка профилактических обследований привела к сотням тысяч смертей по всему миру. Хорошо, что признались в своих ошибках, но жизни людей уже не вернешь.

Кстати, в Казахстане и Литве тоже испытали прессинг ВОЗ и, в отличие от нас, не устояли — прекратили исследования. А в Беларуси благодаря твердой позиции -

Елена Козловская. Академик, плотник и любитель сладкого

Президента и «непокорности» врачей удалось дополнительно спасти более тысячи жизней наших мужчин. Наш опыт стал для всех примером.

Семье внимание — в труде успех

— Из многочисленных ролей — ученый-академик, хирург-онколог, муж, отец — в какой вы состоялись наиболее успешно?

— Мне повезло. Я состоялся во всех ролях, и ни одна из них не ущемляет другую. Трудно выделить, какая из них более значимая. Но с возрастом семья для меня становится все более важной.

— Как думаете, если бы были холостым, в профессии достигли большего?

— Наоборот.

Проследил интересную вещь: когда я, по сути, круглые сутки пропадал на работе и не находил времени на семью, мои профессиональные успехи были ниже, чем когда я научился держать баланс «семья — работа».

Согласен с афоризмом: за каждым выдающимся мужчиной стоит выдающаяся женщина. Я бы добавил к этому: семья в целом, включая детей и родителей. Ведь именно они дают нам психологическую устойчивость, уверенность в себе и желание развиваться.

— Вы ведь выросли в семье потомственных офицеров?

— Близкие ожидали, что я продолжу военную династию. Поэтому воспитывали в строгости. Ранний подъем, физическая нагрузка, беспрекословное выполнение приказов старших. Кроме учебы — спорт. По две-три тренировки в день по плаванию и офицерскому многоборью.

— Сейчас продолжаете?

— Исключил травматичные виды. Но с возрастом (вздыхает) на экстремальное снова потянуло, во время отдыха хочется адреналинчика. Занимаюсь горными лыжами и подводным плаванием.

— Удастся остаться целым и невредимым?

— Увы, неоднократно получал травмы. А как любого врача, меня лечить сложно. Тем, кто меня поставил на ноги — травматологам Александру Ситнику и Михаилу Герасименко, — можно ставить памятники при жизни.

— Сложно, потому что врачи слишком много знают?

— Не только. Люди, которые проводят много времени в стационарах, контактируют с опасной больничной флорой, устойчивой к воздействию лекарств и дезинфектантов. Назначить эффективный и хорошо переносимый антибиотик очень трудно. Это осложняет заживление тканей и выздоровление. Повлиял и результат моей круглосуточной работы в стационаре в молодости — аллергия на все химические вещества, которые есть в операционной. Любые антисептики уже противопоказаны, даже латекс и тальк хирургических перчаток тоже не переношу, приходится пользоваться специальными тканевыми.

— А вы сами проходите онкологические скрининги?

— Попробуй иначе! В РНПЦ все сотрудники должны ежегодно проходить медосмотр, потому что профессия вредная по уровню напряженности и ответственности. Если проигнорируешь — от работы отстранят. Плюс я как академик НАН обязан проходить дополнительное медобследование. Академиков мало, это золотой фонд страны, поэтому их жизни и здоровье на особом контроле. (Улыбается.)

— И рапсовое масло употребляете, как рекомендуете многим, чтобы профилактировать рак?

— Конечно.

Рапсовое масло имеет уникальное соотношение омега-3 и омега-6 жирных кислот, которого нет даже в оливковом. Белорусам я настоятельно советую заменить подсолнечное масло рапсовым или льняным. И на моем столе этот продукт уже давно.

Беспорядок — симптом интеллекта

— Есть у вас позитивный опыт борьбы с плохими привычками?

— Разделяю вредные и дурные. Первые, например курение, плохо сказываются на здоровье. В шесть лет я начал курить и быстро бросил после взбучки взрослых. Не искорененная до сих пор вредная привычка — любовь к сладкому. От сахара получилось отказаться, но от конфетки, пирожного или печенья вприкуску к чаю или кофе не могу. Думаю, стресс от отказа вреднее, чем сладости.

Есть одна дурная привычка — разбрасываю вещи. Мужчины, как я это объясняю, самцы, и таким образом метят территорию. С привычкой успешно борется жена — прячет эти вещи так, чтобы я потом не нашел. А с беспорядком на рабочем столе сражаюсь, но в меру. Потому что прочел серьезное исследование, подтверждающее, что это признак очень высокого уровня интеллекта. (Смеется.)

— Как думаете, что в вас выдает семейного человека?

— Например, то, как я одет, — это заслуга жены. Я считал, что это не так важно. А Елена заразила меня своим убеждением, что врач обязан прилично выглядеть. Академик, по ее мнению, и подавно не должен быть лохматым ученым в помятом пиджаке. Дома жена тщательно следит, чтобы я не натянул малоэстетичную майку, даже когда занимаюсь строительными делами.

— Вас часто можно увидеть в филармонии. Откуда такие предпочтения?

— Александр Анисимов, выдающийся белорусский дирижер, привил мне любовь к симфонической музыке. Оперное искусство тоже мне по душе. Слава богу, семья поддерживает мои вкусы, ходим на концерты и постановки вместе. Дочка вообще выросла на классической музыке.

— Кстати, вы трижды отец...

— Изначально я просто хотел, чтобы ребенок был не один. А теперь понимаю: чем больше наследников, тем лучше. При этом каждый мужчина должен обеспечить, воспитать своих детей и дать им хорошее образование. Я бы и четвертого завел, но есть объективные препятствия.

Машинист бетономешалки и просто хозяин

— Правда, что у вас помимо диплома врача еще и пять строительных профессий?

— Есть удостоверения и разряды плотника, каменщика, бетонщика, штукатур-маляра и машиниста бетономешалки. Это все наследие стройотрядов. Во время учебы в мединституте проходил в течение года обучение перед каждой поездкой. И такое серьезное, что и по сей день практически все переделываю в своем доме за строителями.

— Слышала, вы с другом посадили большой парк.

— Да, в деревне, в Узденском районе. Там мы вначале как дачники год жили с семьей, а потом уже и не смогли вернуться в городскую квартиру. На одной улице

Елена Козловская. Академик, плотник и любитель сладкого

совершенно случайно оказался еще один академик-математик. И мы с ним окультурили бесхозный участок земли: вначале местные власти планировали его под застройку, но отменили решение после запрета строить вблизи газораспределительной станции. Территория заросла репейником, а мы высадили там 400 дубов, вишен, лип. Когда Александр Лукашенко выступил с инициативой расширять зеленые зоны, еще 100 саженцев добавили. Два гектара полезной площади. А местные жители помогают косить траву, ухаживать за деревьями.

— Еще знаю, что вы приняли крещение в сознательном возрасте. Что к этому привело?

— Я воспитывался в лучших коммунистических традициях, где Бога не было, и жил в твердой уверенности, что к 2000 году каждой семье дадут по отдельной квартире.

После развала СССР пережил крах иллюзий. Надо было на что-то опираться, ведь без веры человеку нельзя. Особенно когда работаешь в онкологии, видишь смерть и невольно задумываешься о существовании высших сил. В 36 лет я сам пошел в Свято-Елисаветинский монастырь, чтобы принять православную веру. Жизнь и здоровье человека, уверен, зависят от Бога, но самому человеку надо бережно распоряжаться тем, что ему дано.

Досье

- ◆ Ученый в области урологии и онкологии.
- ◆ Родился 23 сентября 1966 года в Минске.
- ◆ Окончил с отличием Минский мединститут.
- ◆ Работал в 7-й больнице, затем в НИИ онкологии и медрадиологии имени Н. Н. Александрова (сейчас РНПЦ).
- ◆ Доктор медицинских наук, профессор.
- ◆ Лауреат Государственной премии Республики Беларусь.
- ◆ Избран академиком НАН Беларуси в 2021 году.
- ◆ Женат, отец троих детей.

Иногда хочется отдохнуть

— Когда попадаешь в малознакомую компанию и все вдруг узнают, что ты медик, тут же начинается обсуждение болезней, просьбы о советах и консультациях, — говорит Сергей Красный. — Меня всегда удивляло: когда в компании психолог, никто ведь от него не требует провести сессию прямо сейчас. А врачи почему-то должны работать даже за столом или на отдыхе. Поэтому, каюсь, порой приходится скрывать, что я доктор. Профилактирую таким образом профессиональное выгорание.

Счастливый случай

— С женой Еленой мы познакомились случайно, — поделился медик. — Был в РНПЦ новогодний корпоратив. Одна наша сотрудница, которая пришла на работу недавно, пригласила подругу — чтобы чувствовать себя увереннее. Этой подругой и была Елена, она работала в поликлинике. Завязались отношения. Создание семьи с коллегами — вообще распространенная история у врачей, ведь свободного времени у нас почти нет. Жена, кстати, замечательный терапевт.